11 93-1/216-9

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД

801-01
881-6

НЕВСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

III

ATHENEUM
ФЕНИКС
Санкт-Петербург
1997

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

плины тут едва ли может идти речь». Однако, объективности ради, отмечено, что «никто из потерпевших не обращается до сих пор с жалобой к прокурору или вообще к судебному ведомству по поводу упомянутого преступления». Объяснение этому несколько неожиданно связывается с тем, что два процесса по этому поводу все же состоялись: содержателя мужской гимназии Бычкова и инженера-путейца Петра Александровича Иолишина, имя которого действительно исчезает из списка служащих по Министерству путей сообщения в «Адрес-календаре» как раз в 1889. Но – общество «убедилось, что судебные кары бессильны в этом отношении, ибо, несмотря на строгое осуждение названных лиц, развитие зла не только не остановилось, но еще более усилилось. Отсюда делается прямой вывод, что только мерами администрации может быть парализовано это зло, скрывающееся под благовидным покровом частных семейных вечеров и кутежей в гостиных».

Судя по тому, что удалось выяснить о дальнейшей судьбе некоторых из персонажей, попавших в список, – благодетельного вмешательства администрации не произошло.

М.Шкаровский

Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы

Проблемы венерических заболеваний и алкоголизма в 1920-е активно обсуждались в печати, изучались сотнями специалистов, но массовое употребление наркотиков советскими гражданами привлекало к себе гораздо меньше внимания. Между тем в период нэпа страну захлестнула подлинная эпидемия кокаинизма. Кокаин – наркотик средней тяжести, изготавливается из листьев южноамериканского растения коки и представляет собой белый порошок, который вдыхается для достижения наркотического эффекта. Его начали широко использовать в медицине в 1880-х для местного обезболивания при мелких операциях – удалении зубов, вскрытии нарывов и т.п. Вскоре в европейских странах появились первые единичные случаи кокаинизма. Благодаря легкодоступному и малозаметному для окружающих способу его употребления кокаин быстро получил широкое распространение и незадолго до Первой мировой войны серьезно потеснил в Европе другие основные виды наркотиков – морфий, опий. В Россию кокаин проник в 1910-х, главным образом в столичные города, и вскоре вошел в моду. Первоначально его называли «наркотиком для богатых». Незадолго до революции в Петрограде кокаин можно было изредка встретить в ночных кафе, фешенебельных домах свиданий, кафе-шантанах. Основной контингент потребителей тогда составляли «шикарные проститутки», дамы полусвета и их молодые любовники. Доставали наркотик в аптеках у служащих по цене 2–3 рубля за грамм. В целом же эта мода не выходила за пределы ночных увеселительных заведений.

Революция кардинально изменила внешний облик и круг посетителей кафе, кондитерских, баров на главных улицах столицы: завсегдатаями стали молодые люди в матросских и солдатских шинелях, «лица без определенных занятий», проститутки. Все чаще здесь ночью открыто торговали кокаином, все шире становился круг потребителей. Уже в феврале 1918 в докладной записке петроградского врача в Комиссариат внутренних дел говорилось, что проституция всегда была связана с алкоголем, и после ограничения продажи спиртных напитков проститутки стали употреблять другие дурманящие вещества – преимущественно кокаин. «Появились целые шайки спекулянтов, распространяющих его, и сейчас редкая проститутка не отравляет себя кокаином. Кокаинизм, по-видимому, распространился в последнее время и среди других слоев городского пролета-

риата»[1]. Но это было только начало. В 1918 целый ряд факторов стимулировал значительный рост наркомании. Национализация или закрытие многочисленных частных аптек выбросили на городские рынки десятки килограммов наркотических веществ. Помимо этого, в течение всего года, особенно летом, происходил усиленный контрабандный ввоз германского кокаина из оккупированных немцами местностей через прифронтовую полосу – Псков, Ригу, Оршу и из Финляндии через Кронштадт. Кроме того, фактически отсутствовало сколько-нибудь серьезное противодействие властей.

В январе 1919 петроградская комиссия по борьбе с проституцией в числе важнейших причин развития ее называла «чрезвычайное распространение в последнее время, особенно среди молодежи, в частности учащихся, – кокаиномании». Врачи-венерологи, входящие в комиссию, требовали принять меры к прекращению почти открытой торговли кокаином в различных кафе, увеселительных заведениях, тщательно контролировать продажу наркотиков в аптеках и т.п.[2] Вскоре позиция органов власти в этом вопросе существенно изменилась. В 1919–1920 – эпоху «военного коммунизма» – за распространение наркотических веществ арестовывали и порой приговаривали к длительному сроку лишения свободы – на 10 и более лет. Однако серьезных успехов в борьбе с наркоманией достичь не удалось.

Получив широкую огласку, кокаинизм не прекратил существования после закрытия кафе и меблированных комнат в центральной части Петрограда, где торговали наркотиками. Наоборот, он как бы вступил в следующую фазу развития – переместился в чайные, общественные столовые, коммунальные гостиницы, ночлежки уже по всему городу. Возникла целая сеть кокаиновых очагов в Невском, Спасском, Литейном, Московском районах, главным образом вблизи Николаевского (Московского) и Царскосельского (Витебского) вокзалов. В народе эти очаги называли «чумовыми чайными», клиентура их была очень пестрой – мелкие торговцы, красноармейцы, кустари, шпана, проститутки и т.д. Врачи-наркологи тех лет отмечали, что многие милиционеры, сотрудники комендатур сами поддавались соблазну при обысках, арестах торговцев кокаином, щедро угощавших их.

В июне 1919 в петроградской клинике душевных болезней было проведено специальное собрание, посвященное проблеме наркомании в Петрограде. Один из ведущих специалистов города Г.Д.Аронович в своем докладе заявил: «кокаиновые психозы стали заурядным явлением в текущем году в нашей клинике». Он отметил, что более 60% наркоманов, согласно собранным данным, моложе 25 лет, и привел характерный пример: «В майский вечер [1919] у входа в

[1] ЦГА СПб. Ф.142. Оп.1. Д.9. Л.324.
[2] Там же. Ф.2815. Оп.1. Д.526. Л.39.

чайную ко мне подошла малолетняя проститутка 17–18 лет с усталым, безжизненным лицом, в платке, и просила на хлеб. Я не знал, что она собирает на "понюшку", т.е. кокаин, но скоро увидел ее среди посетителей, она почти силой вырвала из рук подошедшего к ней подростка пакетик кокаина, и когда тот потребовал от нее денег, она сняла сапоги, отдала их продавцу за 2–3 грамма кокаина и осталась в рваных чулках. Судорожно распечатала конвертик и в несколько приемов ввела его содержимое в нос <...> Я встречал меньше женщин, нежели мужчин, в этой среде, и то – это были почти исключительно проститутки, которые предлагали свою любовь за кокаин, заставляя тратить своих гостей на это средство по нескольку сот рублей в ночь»[3].

В годы гражданской войны определенное распространение, хотя и гораздо меньшее, чем кокаинизм, получил другой вид наркомании – морфинизм. Особенности применения морфия в качестве обезболивающего средства при тяжелых заболеваниях, сложных операциях благоприятствовали его распространению прежде всего в медицинской среде. Так, из прошедших через петроградскую клинику за 1919–1922 годы 42 морфинистов 25 были врачами, медсестрами, санитарками, а остальные – в основном военными. На одном из кораблей Балтфлота даже функционировал «клуб морфинистов», организованно приобретавший наркотики, вербовавший новичков и т.п. Специалисты писали также, что морфинизм был распространен и в среде проституток, часто сочетаясь там с употреблением кокаина и алкоголя[4]. Эта разновидность наркомании являлась в значительной степени «наследием войны», когда морфий был легкодоступен, благодаря широкому использованию в военной медицине. В мирное время морфинизм постепенно начал угасать.

Относительно менее распространенным в период нэпа было потребление эфира. Однако его сильный галлюциногенный эффект привлекал к себе даже представителей новой большевистской элиты. Известно, что в 1919 Б.Г.Каплун (двоюродный брат М.С.Урицкого) – тогда управляющий делами Петросовета – часто приглашал к себе поэтов и художников понюхать конфискованного эфира[5].

Что касается кокаинизма, то первые годы нэпа были временем его наивысшего расцвета. Кокаин по-прежнему оставался доступнее алкоголя и одно время чуть ли не занимал его место. «Марафет», как обычно называли в тот период кокаин в народе, в огромных количествах проникал в Россию из Германии, Польши, Японии в начинке папирос, между слоями табака, в медальонах, часах, перстнях,

[3] Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Научная медицина. 1920. №6. С.681.
[4] Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его последствия и профилактика // Вопросы наркологии. Вып.2. М., 1928. С.47–48.
[5] См.: Лебина Н.Б. Наркоман из наркомата // Вечерний Санкт-Петербург. 1996. 12 апреля.

фруктах и т.д. После окончания гражданской войны гонения на торговцев наркотиками постепенно ослабели, и вплоть до конца 1924 в Уголовном кодексе РСФСР даже не было четко сформулированной соответствующей статьи. В середине 1920-х врач-нарколог А.С.Шоломович с тревогой писал, что из пограничных контрабандных подполий марафет достаточно свободно «проникает на центральные рынки, разливается по карманам мальчишек-папиросников у вокзалов, находит себе продавцов и покупателей среди бродячих, бесприютных, беспризорных низов столичного населения, захватывая в свои цепкие когти беспомощную уличную детвору. Отдельными щупальцами проникает он и в другие группы: в наименее культурную часть артистов, в отсталые, менее интеллигентные группы учащихся, и дает, к счастью, редкие пока, – гнезда среди организованного пролетариата»[6].

О популярности кокаина в период нэпа говорит хотя бы такой факт, что в «Словаре жаргона преступников» (1927) этот наркотик, кроме марафета, имеет еще семь названий: антрацит, кикер, кокс, мел, мура, нюхара, нюхта. Можно добавить сюда также «белую фею» и «бешеный порошок». Все же другие наркотические средства обозначались лишь тремя блатными терминами: собачка, темнота, анаша.

Наркотики, употреблявшиеся в Советской России, подразделялись на легкие (гашиш, опий), средней тяжести (кокаин, морфий) и тяжелые (героин), последствия употребления которых сильно различались. При кокаиновом опьянении повышалось настроение, появлялась говорливость, представления приобретали необычную яркость. Затем душевное состояние становилось напряженным, возникало чувство страха, нередко галлюцинации – зрительные, слуховые, осязательные. Хроническое же употребление кокаина вело к физической и психической деградации личности. Правда, следует отметить, что для увеличения своей прибыли оптовики-контрабандисты фальсифицировали привезенный кокаин хинином, аспирином и т.п. и в таком виде продавали его дальше. Мелкие торговцы, в свою очередь, дозируя марафет в пакетики по 1–2 грамма, разбавляли его еще больше. В результате на рынок редко поступал чистый кокаин – «кошка» (называемый так по сильному действию и быстрой смене эйфории последующим угнетением). Подобным разбавлением объясняются чудовищные дозы по 30–40 граммов в день, которые в 1920-е почти без последствий принимали многие кокаинисты.

Из всех социальных слоев и групп наркоманией в наибольшей степени были поражены проститутки. Это подтверждается материалами социологических опросов.

Так, в 1924 из 573 заполнивших анкету московских проституток 410 (71,5%) сознались в пристрастии к наркотикам. Из них 112 были

[6] Шоломович А.С. Кокаин и его жертвы. М., 1926. С.3.

кокаинистками, 67 морфинистками, 27 потребительницами хлоралгидрата, 18 – эфира, 16 – опиума, 7 – гашиша, 3 – героина, 31 – других наркотиков и 129 не ответило, каких. Чуть более половины уже втянулись, их постоянно влекло к новым дозам. Две трети имели «стаж» свыше 2 лет, 77% пытались бросить это занятие, но удалось немногим. Лишь 9% начали потреблять наркотики до того, как стали проститутками. Большинство искало в них забвения от тяжелых жизненных условий и заглушения нравственных страданий – 193 женщины, многие (в основном кокаинистки) черпали необходимые для их профессии искусственное возбуждение и «жизнерадостность» – 82, немалая часть применяла наркотические средства в силу подражания – 44 или по принуждению клиентов – 39, небольшая часть прибегала к морфию, чтобы заглушить боль (например, при воспалении седалищного нерва – болезни, часто сопутствовавшей проституции), – 12 и т.д. Среди харьковских публичных женщин в 1926 доля применявших наркотики была еще выше – 76,3%, причем только 5% пробовали их, прежде чем начали торговать своим телом. Но несомненно, что из числа последних многие пришли в проституцию, чтобы таким способом добыть себе деньги для марафета. Нередко и мужья-кокаинисты заставляли своих жен идти на панель с той же целью.

Влияние наркомании на рост проституции было очевидно для современников. Так, в ноябре 1923 начальник петроградской милиции И.С.Серов предлагал в рапорте Центральному административному управлению НКВД: «Признавая, что пьянство, а также потребление сильно возбуждающих наркотических средства (кокаина, морфия и т.п.) является одним из факторов, влияющих на увеличение проституции, привлекать к ответственности лиц, как появляющихся в нетрезвом виде, так и находящихся в состоянии возбуждения от потребления упомянутых наркотиков...»[7].

С другой стороны, именно проституция в годы нэпа была рассадником наркомании. С.Вислоух не без основания в 1925 писал: «Торговля марафетом <...> и иными средствами самозабвения почти целиком находится в руках проституток»[8].

Действительно, в тот период в народных судах появилась особая разновидность путан – «хранящих кокаин с целью сбыта». Например, в конце 1922 – начале 1923 органы ленинградской милиции раскрыли целую сеть квартир проституток, где «почти круглые сутки продавали кокаин», в районе Рождественских (Советских) улиц. Не чуждались марафета и притоносодержатели – среди тех из них, кто отбывал срок в ленинградских тюрьмах в 1925, 11% сами являлись кокаинистами.

[7] ЦГА СПб., Ф.33. Оп.2. Д.721. Л.169.

[8] Вислоух С. Проституция и алкоголизм, проституция и наркомания // Рабочий суд. 1925. №7/8. С.321.

Врачи 1920-х годов отмечали, что вопреки господствовавшему мнению большинство проституток попадало в психиатрические больницы не вследствие прогрессивного паралича (как итога развития сифилиса), а в результате злоупотребления наркотиками, особенно эфиром и кокаином.

Другой категорией населения с чрезвычайно высокой долей наркоманов были беспризорники. Кокаинизм среди них начал распространяться с 1920–1921, через два года он достиг таких размеров, что стал угрожать работе детских учреждений.

В московском отчете о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях, за 1922 г. отмечалось почти поголовное употребление кокаина малолетними правонарушителями, обитающими в ночлежках. Марафет в тот период являлся наиболее простым и удобным наркотиком – он не требовал специальной обстановки, как гашиш или опий, или шприца, как морфий. До 50 детей и подростков собирались в специальных квартирах-притонах вблизи вокзалов, рынков и нюхали там кокаин, втягивая его в нос с гусиного пера, ладони, ногтя, бумажки и т.д. Так как под влиянием кокаина атрофировалась слизистая оболочка носоглотки, то для усиления действия наркотика дети расковыривали себе острыми предметами носовые каналы. Юные правонарушители-кокаинисты объединялись в сплоченные компании. В отчете отмечалось, что они часто совершали кражи только для того, чтобы раздобыть деньги на наркотик. В ходе обследования был обнаружен настоящий клуб кокаинистов под открытым небом в районе Цветного бульвара, где на пустыре собирались проститутки всех возрастов, их сутенеры и подростки. Некоторые из ребят выступали в роли профессиональных торговцев марафетом. Зарегистрированы были и более тяжкие преступления, совершенные юными наркоманами, вплоть до убийств. В ряде случаев констатировалось чрезвычайно раннее пристрастие к кокаину. Так, одна девочка сбежала из родительского дома в 10 лет и стала наркоманкой. Она задерживалась по обвинению в кражах до 14-летнего возраста свыше 15 раз. Возвращенная в семью, она вновь уходила из нее. Но затем девочка все же смогла бросить это занятие: ее поразила смерть знакомого мальчика от чрезмерной дозы наркотика.

Трагический исход не был редкостью. В научной литературе 1920-х можно встретить много подобных примеров: «2–3 года назад юноша-кокаинист заразил своим примером трех своих товарищей, из этих 4 лиц двое стали постоянными пациентами психиатрической больницы (живут около 2 лет безвыходно), один покончил самоубийством, а четвертый возвращается в психиатрическую больницу в пятый раз»; «У одной матери сын подросток, плотный крепкий мальчик, которого все звали "толстячком", – 3 дня пропадал в каком-то притоне, где его выучили нюхать кокаин. Когда мать нашла его в притоне – она едва узнала своего "толстячка": перед ней был

оборванный, худой, истощенный человек, весь синий, с провалившимися щеками и глазами, с темными губами, весь разбитый настолько, что у него не хватало сил выйти из притона»[9] и т.п.

К середине 1920-х детская наркомания достигла своего пика. Опрос 150 воспитанников Московского труддома для несовершеннолетних в 1923 показал, что 70,6% из них нюхали кокаин. Большинство обследованных наркоманов имели возраст 14–15 лет и употребляли марафет уже полтора-два года. Каждый в среднем получил 3–4 судимости за кражи. Деньги шли в основном на наркотики. На вопрос, продолжит ли он свое занятие после выхода из труддома, один карманник ответил: «Конечно, пойду воровать, где же я достану денег, чтобы купить кокаин, а я без него не могу».

Марафет продавали и на рынке, причем торговцы специально втягивали ребят, первоначально предлагая наркотик бесплатно. Довольно легко можно было достать кокаин и через товарищей – разносчиков газет, папирос, спичек. В первый раз пробовали наркотик, как правило, случайно, иногда по совету старших братьев и сестер. Так, одна из кокаинисток научила нюхать 11-летнего братишку, ставшего страстным наркоманом. Более половины обследованных кокаинистов были отнесены к разряду «психопатов». Но в то же время отсутствие наркотика дети переносили сравнительно легко, лишь в первую неделю испытывая депрессию. Вероятно, это объяснялось тем, что употребляемый ими марафет был сильно разбавлен аспирином, бурой и т.п. Организаторы опроса пришли к выводу: «Кокаинизм у детей за последнее время нашел себе широкое распространение и принимает уже характер явления бытового»[10].

Подтверждение этому находим и в обследовании московских беспризорников в феврале-марте 1924. Из 102 опрошенных детей нюхали кокаин 82 (80,4%), причем более трети из них не употребляли спиртные напитки. Почти половина начала принимать наркотики чрезвычайно рано – с 9–11 лет. 49 подростков обратилось к марафету «из любви или подражания товарищам», а 13 – «с горя». Девять десятых мальчиков добывали себе средства к существованию воровством, а девочки – в основном проституцией, зачастую получая в качестве платы наркотик. Кокаинисты значительно раньше остальных начинали самостоятельную жизнь – в 42% случаев они покинули родительский дом до 10 лет, из других категорий беспризорников так рано начали лишь 16%. Только 55% наркоманов хотели поменять условия жизни, в других категориях – 87%[11].

Потребление марафета было распространено и во взрослом преступном мире. Так, в 1923 среди опрошенных заключенных арест-

[9] Шоломович А.С. Указ. изд. С.22, 30.

[10] Зиман Р.М. О кокаинизме у детей // Вопросы наркологии. Вып.1. М., 1926. С.28–34.

[11] Гернет М.Н. Избранные произведения. М.. 1974. С.444–445.

ных домов Москвы 11,5% являлись кокаинистами[12]. Правда, следует отметить, что преступность среди наркоманов в большинстве случаев преувеличивалась. Если что и было, то преимущественно мелкое воровство. Кокаинисты со стажем обычно опускались до уровня нищих, бродяг, жуликов, воришек. Например, среди обследованных в 1926 ленинградских хулиганов наркоманами были 7%. Крупные же, опасные бандиты, как правило, наркотиков не употребляли, чтоб не снизить свою «квалификацию». Конечно, случались и исключения. Так, уже упоминавшийся петроградский врач Г.Д.Аронович писал: «Несколько кокаинистов, по профессии "налетчики", мне говорили, что без кокаина они не находили бы в себе решимости на рискованные налеты и грабежи, иногда давно задуманные, но, зная по опыту влияние кокаина, принимали его для храбрости»[13]. Значительно чаще, чем мужчины, наркоманками были женщины-воровки. Одна из них – 16-летняя воровка по кличке «Огольчик», проститутка с 13 лет, имевшая 3 приговора, так отзывалась о своей жизни: «Когда есть деньги – люблю понюхать, покурить. Нравится такая жизнь... Никогда ей не изменю»[14]. Наркотики играли существенную роль и при такой воровской операции, как «хипес». Обычно с их помощью усыпляли жертву – «малинили», «брали на собачку». Сами хипесницы также при случае были не прочь «открыть марафет».

Со временем кокаинизм все больше проникал и в рабочую среду. Согласно данным московского наркодиспансера за 1924–1925, в него обратились 8370 первичных и 7362 вторичных больных, из которых, помимо алкоголиков, 13% являлись кокаинистами и 5–7% морфинистами. Между ними оставались существенные профессиональные различия. Морфий употребляли в основном врачи, медсестры, аптекари, конторщики. Среди кокаинистов же, помимо люмпен-пролетариев, торговцев, артистов, заметную долю составляла рабочая молодежь. Большинство наркоманов были в возрасте 20–25 лет, примерно пятую часть составляли женщины, четверть уже имела психические отклонения[15].

Все это привлекло внимание научной общественности, а затем и правительства. В декабре 1923 в столице была проведена 1-я конференция по вопросам наркотизма, констатировавшая, что распространение кокаина приняло характер эпидемии[16]. В определенной степени откликом на дискуссию в научных кругах стал декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 ноября 1924 «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами», воспрещавший свободное обращение в республике опия, кокаина и их производных. До этого времени

[12] Шоломович А.С. Отчет о диспансерной борьбе с наркотизмом в Москве // Вопросы наркологии. Вып.1. Указ. изд. С.89.
[13] Аронович Г.Д. Указ. изд. С.680.
[14] Преступный мир Москвы. М., 1991. С.148.
[15] Шоломович А.С. Указ. изд. С.71–86.
[16] См.: Броннер В.М. Проституция и пути ее ликвидации. М.; Л., 1931. С.44.

частным лицам не запрещалось выращивать растения, из которых добывались наркотические вещества. Теперь ввоз и производство наркотиков ставились под контроль государства. А 22 декабря 1924 Уголовный кодекс РСФСР был дополнен новой статьей 140д, карающей за изготовление и хранение с целью сбыта одурманивающих веществ лишением свободы на срок до 3 лет[17]. Указанные акты не предусматривали принудительного лечения или уголовного преследования лиц, потребляющих наркотики. Это было не случайно. Нарком здравоохранения Н.Семашко в статье «О кокаинизме и борьбе с ним», служившей своего рода объяснительной запиской к принятым законам, писал: «Как и при всякой социальной болезни, мы обрушиваемся не на "больного", а на болезнь. Как мы преследуем не проституток, а проституцию, так и здесь преследовать надо не кокаинистов, а кокаинизм (наркоманию). Как и в борьбе с проституцией, мы все жало репрессий направили не на проституток, а против тех, кто несчастным положением женщины пользуется для корыстных целей <...> так точно и здесь все острие репрессий направляем мы против этих паразитов»[18].

Сравнение с проституцией также не было случайным. Либеральное отношение к наркоманам укладывалось в общую филантропическую линию изживания социальных пороков, доминировавшую в период нэпа. В начале 1925 конференция недавно созданной наркосекции Мосздравотдела решительно высказалась против идеи административного воздействия на кокаинистов и создания концлагерей для них, даже в смягченной форме, предложенной НКВД. Принудительное лечение допускалось только для определенной категории «социально-опасных» наркоманов, с «полной гарантией от административного произвола». Конференция отмечала, что в республике отсутствует более или менее удовлетворительное изучение кокаинистов, даже в столице нет ни одного специализированного стационара для желающих лечиться наркоманов и их кладут в психиатрические больницы.

Постепенно такие учреждения стали появляться. В 1925 при московском наркодиспансере было открыто детское клиническое отделение для беспризорных детей-кокаинистов, через которое за полтора года прошел 151 ребенок. В Ленинграде с марта 1927 начало функционировать Совещание по борьбе с алкоголизмом и наркотизмом, осенью открылся 1-й невропсихиатрический диспансер, осуществлявший прием наркоманов в Володарском районе, а в конце 1928 был организован второй – на Васильевском острове[19].

1927 год стал последним, когда кокаинизм расценивался как грозное явление. Согласно данным 1-го московского вендиспансера

[17] Собрание узаконений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. №5. Ст.33.
[18] Известия ЦИК СССР. 1925. 4 января.
[19] ЦГА СПб. Ф.3215. Оп.1. Д.304. Л.128.

доля наркоманок среди состоявших там на учете проституток все еще составляла 72%. В Ленинграде в январе 1927 в облздравотдел поступила докладная записка врача-нарколога Октябрьской железной дороги Н.Н.Тушолмина, в которой говорилось: «Факт небывалого усиления алкоголизма в последние годы, усиления кокаинизма среди взрослых и детей, как и прочих наркоманий в последнее десятилетие <...> факты эти бьют в глаза всякому»[20]. Однако это были последние заявления подобного рода.

Между ростом потребления алкоголя и наркотиков существовала не прямая, а обратная зависимость. Среди кокаинистов почти не было запойных пьяниц. Когда в начале 1920-х какой-нибудь алкоголик, ища самогон, случайно попадал на марафет и покупал его, он постепенно забрасывал спиртные напитки. Во второй половине десятилетия ситуация кардинально изменилась. В городах появилось огромное количество легкодоступного и недорогого алкоголя, достать же кокаин становилось все труднее. Произошло укрепление государственной границы, таможенной службы, ужесточился контроль за использованием обезболивающих препаратов в больницах и аптеках. В этих условиях основная масса потенциальных потребителей обратилась к более традиционному и доступному способу отрешения от окружающей действительности. Врачи-наркологи начали отмечать случаи употребления наркоманами больших доз спиртных напитков с целью освободиться от действия кокаина.

В результате в конце 1920-х потребление наркотиков в стране значительно снизилось. Уже в 1928 руководство Московского наркодиспансера отмечало, что в последнее время резко упало поступление детей-кокаинистов. Снизилась и доля проституток-наркоманок. В том же году среди «пациенток» столичных трудпрофилакториев лишь 4% нуждались в длительном лечении в наркодиспансере. Правда, данный контингент подбирался из тех, кто недавно вступил «на путь порока». Весной 1929 в Ленинградском трудпрофилактории 6,4% содержавшихся в нем проституток нюхали кокаин или курили гашиш (анашу). Указанная тенденция подтверждается и другими данными. Неуклонно падал процент кокаинистов среди посетителей наркодиспансеров или кабинетов. Так, в первом квартале 1929 из 778 посещений Василеостровского районного нарколога только 91 приходилось на долю наркоманов (в т.ч. первичных 15), остальные – алкоголики и курильщики. А среди пациентов наркологической амбулатории при ленинградской больнице им.Эрисмана за июнь–август 1929 кокаинистов и морфинистов было еще меньше – 28 из 989[21].

Лишившись основных источников поступления марафета, часть советских наркоманов стала переходить на местные виды «собачки». В декабрьском (1929) номере журнала «Вопросы здравоохранения» в разделе «Хроника» указывалось, что врачи Краснодара обеспокоены серьезной угрозой со стороны гашиша, «получившего массовое распространение среди деклассированных групп населения и начавшего захватывать другие слои». Анаша стала сильным конкурентом кокаина и опия. Медики предлагали в законодательном или административном порядке установить такие условия посадки, сбора и хранения индийской конопли, которые помешали бы распространению гашиша. Среди потребителей наркотиков в 1930-е попрежнему выделялись проститутки. Так, в материалах раздела 2-го пятилетнего плана, посвященного ликвидации социальных аномалий, подчеркивалось, что среди профессиональных проституток, нищих и т.п. есть наркоманы[22].

В декабре 1934 специальным постановлением Совета Народных Комиссаров индийская конопля, из которой изготавливали анашу, была признана одурманивающим средством и ее посев был запрещен под страхом лишения свободы на срок до двух лет. Однако уже в середине 1930-х за развитием наркомании в стране практически перестали следить. При Центральном статистическом бюро был ликвидирован сектор социальных аномалий, собиравший сведения о потребителях кокаина, опия, морфия, анаши[23]. Не изучались причины, побуждавшие людей искать забвения в наркотических снах. Не исследовались и социально-психологические характеристики лиц, наиболее склонных к потреблению одурманивающих средств. Прекратили функционировать наркологические диспансеры. В конце 1930-х вообще было объявлено, что в СССР нет наркомании, так же, впрочем, как и проституции, нищенства, наследственного алкоголизма, беспризорности. Поэтому представить истинный размах потребления наркотических веществ в стране, и в частности в Ленинграде, в последующий период очень сложно.

[20] ЦГА СПб. Ф.4301. Оп.1. Д.3414. Л.1.
[21] Там же. Ф.3215. Оп.1. Д.310. Л.14об, 16, 69.

[22] См.: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С.90.
[23] См.: Лебина Н.Б. Наркоман из наркомата. Указ. изд.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

М.Ю.Герман. Сложное прошедшее. Главы из книги воспоминаний 5

В.И.Мудрик. Как мы делали деньги. *Публикация М.Е.Лилиной и Т.Б.Притыкиной*. 115

[М.И.Ключева]. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. *Публикация А.Л.Дмитренко* 164

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Франческо Альгаротти. Русские путешествия. *Перевод с итальянского, предисловие и примечания М.Г.Талалая*. 235

Борис Коплан. «И мы храним старинный лад...» *Предисловие, публикация и примечания В.Э.Молодякова* 265

В.Горянский. Крамольный берег. *Публикация Д.И.Зубарева*. 279

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

С.Горбатенко. Два петровских ансамбля Стрельны 287

М.И.Мильчик. Ропшинский дворец – забытый памятник архитектуры XVIII в. 305

Виктор Антонов. Адмиралтейская аллея – Александровский сад 324

Б.М.Кириков. Петербургская неоклассика начала XX века. Каталог построек 344

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА

Л.Я.Лурье, В.Г.Тарантаев. Крестьянские землячества в Петербурге 389

Д.Я.Северюхин, О.Л.Лейкинд. «Художническое общество» в С.-Петербурге. История в документах 434

Константин Ротиков. Эпизод из жизни «голубого» Петербурга 449

М.Шкаровский. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в Ленинграде в 1917–1920-е годы 467

БИБЛИОГРАФИЯ

О.С.Острой. С чего начиналась петербургиана. Описание путеводителей по городу с момента их возникновения до середины XIX столетия 481

А.И.Раздорский. Памятные книжки С.-Петербургской губернии. Историко-библиографический очерк 492

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 506

НЕВСКИЙ АРХИВ

Историко-краеведческий сборник

III

Балтийский гуманитарный фонд
Atheneum–Феникс

Составители
А.И.Добкин и А.В.Кобак

Редактор Е.В.Русакова
Корректор Т.Б.Притыкина

ЛР №064815 от 30.X.1996

Издательство «Феникс»:
193060, Санкт-Петербург, ул.Смольного, 1/3, подъезд 6а
e-mail: orders@phenix.spb.su

Сдано в набор 10.01.1997. Подписано в печать 25.03.1997.
Формат 60×88/16. Объем 33 п.л. + 0,5 п.л. вклейка. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3090.

С.-Петербургская типография № 1 ВО »Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12